

100. Воръ Ворыга.

Жилъ былъ баринъ, а у барина былъ мужикъ, его баринъ звалъ воръ ворлыга, а былъ у барина быкъ, стоялъ на стоилѣ, а этова быка у барина воръ ворлыга укралъ, вотъ это барину доказали мужики, что укралъ воръ ворлыга, баринъ вора ворлыгу призвалъ къ себѣ. „Воръ ворлыга, какъ ты моево быка кралъ?“ — „Я пришелъ, замокъ снялъ, быка взялъ да повелъ“. — „А какъ же онъ у тебя не вырвался?“ — „Я ево удержалъ“. — „Ну, гдѣ же онъ у тебя стоитъ?“ — „Надворѣ, дома“. — „Ну, я быка возьму домой. Воръ ворлыга, я тебя отдамъ въ солдаты, на что ты воруешь. Вотъ у меня есть жеребецъ на стоилѣ, украдь ево“. — „Я ево украду“. — „Коли же ты будешь красть?“ — „А вотъ севоднюшнюю ночь украду“. Вотъ онъ жеребца замкнулъ замкомъ и поставилъ четырехъ мужиковъ караулить. Вотъ эти мужики расклали огонекъ и сидятъ, караулютъ. Вотъ этотъ воръ ворлыга взялъ кожуную суму за плечи и поставилъ въ нее кружку вина, къ нимъ пришолъ, поздаровкался съ нимъ. „Вотъ замарился идя, нельзя ли погрѣться у огня“. Они сказали: „можно“. Вотъ онъ принесъ, закусить съ нимъ захотѣлъ и вынулъ штофъ вина, сталъ наливать стаканъ и выпилъ самъ, закусилъ и имъ сталъ наливать, ихъ пьяными напоилъ да пошелъ, жеребца и увелъ. Назавтрѣ хватились — жеребца нѣтъ, барину сказали, что жеребецъ пропалъ съ конюшни. Вотъ онъ закричалъ: „воръ ворлыга увелъ, вѣрно, онъ тамачка; пускай ко мнѣ идетъ воръ ворлыга“. Вотъ онъ и пришелъ, онъ и пытаетъ: „ты укралъ моево коня? — Я, говоритъ, укралъ, мужиковъ пьяныхъ напоилъ, а я коня и увелъ; коли твой конь, возьми назадъ, онъ цѣлъ“. Баринъ и взялъ. Вотъ баринъ говоритъ: „у меня денегъ сундучокъ стоитъ, вотъ тамачка подъ подушкой, ты ихъ украдь, чтобы и хозяйка не вѣдала“. Онъ говоритъ: „украду“ — „Когда ты будешь красть?“ — „Севоднюшнюю ночь, что будетъ“. Вотъ онъ сдѣлалъ челоуѣка изъ соломы, одѣлъ у платье, на саняхъ подвезъ къ окну близка, а самъ около стѣнѣ да на крылецъ, и взошелъ на

крыльцо, хотя не горась, и стукнулъ; а баринъ не спалъ, караулилъ съ хозяйкой деньги. Вотъ онъ увидалъ человѣка, на саняхъ стоитъ, онъ съ ружья и грохъ и убилъ человѣка на саняхъ соломеннаго. Вотъ барыни говорятъ баринъ: „убилъ вора ворлыгу“, и побекъ въ село заявлять, чтобы онъ воровать не ходилъ; а воръ ворлыга этомъ часомъ, какъ покули бѣгалъ баринъ туда, вотъ онъ вбекъ въ спальню къ барыни и говоритъ: „убилъ я вора ворлыгу, теперь пусть ень воруетъ“. Вотъ онъ сдѣлавши, что нужно, деньги въ сундучку унесъ и говоритъ: „а теперь пойду, скажу мужикамъ, чтобы вобрали вора ворлыгу куда нибудь“. Вдругъ приходитъ и баринъ отъ мужиковъ и начинается... барыня ево заругала, вотъ онъ и схватился за деньги, а ихъ нѣтъ. Онъ сказалъ: „пусть будетъ воръ ворлыга, а мы будемъ жить безъ денегъ“.

Великолудцкй у. 1870 г.

101. Афинистъ князь.

Жилъ купецъ и купчиха; у нихъ было двое дѣтей—сынъ да дочь; сынъ былъ старше, дочь младше. Отецъ и мать стали умирать; мать наказывала сыну: „сынъ мой, качай свою сестрицу да приговаривай: люли, люли, сестрица, люли, ласточка, вырастешь большая, будешь въ золотѣ ходить, отдамъ тебя замужъ за Аѳиниста князя“.

Когда выросла сестра большая, стала требовать жениха. Братъ ей сказалъ: „сестрица родимая, гдѣ же тебѣ найду я жениха?“—„Гдѣ хочешь, а найди!“ Братъ слезно заплакалъ и отправился въ путь, его застала темная ночь въ лѣсу. Только онъ заснулъ, какъ вдругъ его освѣтило, точно огнемъ. Онъ пробудился, испугался и спросилъ, кто тутъ? Изъ коляски, освѣщенной огнемъ, громкимъ голосомъ сказалъ: „это я, Аѳинистъ князь, котораго ты ищешь; ты хочешь свою сестру отдать за меня замужъ; что же у твоей сестры есть особенное?“ Братъ говоритъ: „что сестра моя, когда заплачетъ, посыплется изъ глазъ жемчугъ; когда засмѣется, изъ рта посыплется золото“. Услыхавши это, князь велѣлъ